

УДК 821.161.1

Чаусова И. В.

Московский государственный областной университет

**СВОЕОБРАЗИЕ МОЛИТВЕННОЙ ЛИРИКИ
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ**

I. Chausova

Moscow State Regional University

**THE ORIGINALITY OF THE PRAYER LYRICS IN EARLY WORKS OF
M. TSVETAEVA**

Аннотация. Статья посвящена исследованию религиозного начала в художественном творчестве, а в данном случае – молитвенной лирики. В ней представлен анализ психологического и духовного значения обращения человека к Богу на примере стихотворений из первых сборников М. И. Цветаевой «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912). Проведённое исследование позволило представить молитвенную лирику в первых цветаевских сборниках как отражение самых сокровенных и значимых переживаний лирической героини. Большое внимание в статье уделяется анализу психологического состояния героини, раскрытию всего многообразия её личности.

Ключевые слова: молитвенная лирика, лирическая героиня, психологическое состояние, Бог, религиозное начало, духовность.

Abstract. The article is devoted to study of religious principle in art, and in this case – the prayer lyrics. It presents the analysis of psychological and spiritual values of the man's turning to God on the example of the first collections of poems by M. Tsvetaeva "Evening Album" (1910) and "Magic Lantern" (1912). The study allowed us to present the lyrics in the first Tsvetaeva's prayer collections as a reflection of the deepest and most significant experiences of lyrical heroine. Much attention is paid to the analysis of the psychological state of the heroine, the disclosure of the diversity of her personality.

Keywords: prayer lyrics, the lyrical heroine, psychological state, God, religious principle, spirituality.

Уже в первых цветаевских сборниках – «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912) – мы видим, как многопланово восприятие мира юной поэтессой. Склонность к самоанализу соединяется в ней со стремлением к открытому, непосредственному выражению чувств. Желание провозгласить верность себе и своим принципам не отменяет жажды «перевоплощений», дающих возможность примерить на себя ту или иную «роль» литературного или исторического персонажа. Большой эмоциональной силой отмечены и те стихотворения, в которых лирическая героиня открывает свой внутренний мир через обращение к Богу. Молитвенная лирика, как особый способ духовного познания и особое состояние души, позволяет глубже понять психологическое состояние лирической героини Цветаевой.

Прежде всего, обращаясь к Творцу, она осознаёт себя частью созданного Им огромного мира. Ощущение причастности к этому миру для героини – необычайно острое. Может быть, поэтому, поддавшись переполняющим её эмоциям, она восклицает:

*Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!*

© Чаусова И.В., 2011.

*О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня
[3, с. 161].*

Это строки из стихотворении «Молитва», написанного в день семнадцатилетия поэтессы, 26 сентября 1909 года. Столь противоположные, казалось бы, желания лирической героини – жажда чуда и стремление к смерти – говорят о спонтанности её душевных порывов. Эмоциональный фон, что задаёт Цветаева, держит читателя в напряжении, ему передаётся тот накал чувств, который ощущает героиня. Жизнь – как чудо, как волшебная, прекрасная книга; смерть – как избавление от всего мирского и переход в лучший мир – всё это удивительным образом переплетено в сознании героини.

В её словах, обращённых к Богу, звучат и просьба, и благодарность, и мольба, – так причудливо соединённые и такие искренне-трепетные. Душа лирической героини обнажена в полной мере, она не способна притворяться. Напротив, она хочет как можно громче заявить о своих желаниях и стремлениях:

*Ты мудрый, Ты не скажешь строго:
- «Терпи, ещё не кончен срок».
Ты сам мне поддал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!
[3, с. 161].*

Желание объять необъятное, прожить яркую, полную страстей жизнь, насыщенную и неповторимую – вот мечта Цветаевой-художника, поэтому её лирическая героиня так самозабвенно говорит об этом. Спокойная, тихая жизнь не для неё. Она осознаёт необходимость «гореть» душой, глубоко ощущать всё, что происходит вокруг, пропускать через себя всю палитру того мира, который сотворил Господь:

*Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
и амазонкой мчаться в бой...
[3, с. 162].*

Романтические образы цыган и амазонок появляются здесь не случайно. Интересовавшаяся историей и мифологией, с детства любившая приключения, Цветаева примеряет здесь на себя те образы, которые кажутся ей манящими. Они символизируют для неё свободу от всякого рода условностей, презрение к опасности, готовность ринуться навстречу неизвестности. В словах героини нет пафоса – для её ищущей натуры они совершенно органичны. Говоря Создателю – «всего хочу», она выражает те мечты, которые только Он может осуществить. Юная лирическая героиня не использует общепринятые выражения, созданные для молитвы: она безыскусно, по-своему, пусть и немного наивно, выражает свои заветные мысли. Её молитва далека от строгих канонов, по-детски безоглядна и требовательна:

*Гадать по звёздам в чёрной башне,
Вести детей вперёд, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!
[3, с. 162].*

С каждой строчкой стихотворения эмоциональный подъём нарастает, стремясь к некоему предельному выражению. Здесь героиня уже и спасительница, и провидица, живая душа, стремящаяся постигнуть жизнь заново, начиная каждое утро с подвигов и приключений. При этом лирическая героиня понимает, что за столь яркую и насыщенную жизнь ей придётся дорого заплатить, но её бесстрашная душа готова к этому. Она полностью доверяет свою судьбу Господу и просит у Него о том, что, как ей кажется, должно стать единственно возможным финалом столь головокружительного существования в этом мире: яркого, в полном цветении жизни, окончания земного бытия.

Можно вспомнить, в связи с этим, одно из лирических отступлений в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души». В начале шестой главы автор погружается в воспоминания: «Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было ве-

село подъезжать в первый раз к незнакомому месту: всё равно, была ли то деревушка, бедный уездный городишко, село ли, слободка, любопытного много открывал в нём детский любопытный взгляд. Всякое строение, всё, что носило только на себе напечатленье какой-нибудь заметной особенности, всё оставляло меня и поражало». И затем Гоголь говорит о восприятии человека, который уже растерял прежнюю впечатлительность, юношеское любопытство и желание узнавать новое: «Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на её пошлую наружность; моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя юность! о моя свежесть!» [1, с. 124].

Возможно, новизна ощущений, про которую говорит автор в первой части отступления, настолько важна для лирической героини Цветаевой, что она стремится её сохранить закрепить – на самом пике восприятия, дабы всё это не приобрело оттенок обыденности:

*Люблю и крест, и шёлк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство - лучше сказки
И дай мне смерть - в семнадцать лет!*
[3, с. 162].

Тема смерти неоднократно появляется на страницах первых цветаевских книг. В данном случае нельзя сказать, что здесь ощущается трагичность или безысходность. Скорее наоборот – это желание уйти из мира в пору самых ярких свершений и открытий, в момент наивысшего развития творческих сил – пока нет тяжёлого груза усталости и разочарований. Необычная просьба героини, обращённая к Господу, заставляет задуматься над тем, почему лирическая героиня полна такой решимости. Возможно, что это ещё и предчувствие грозных, поистине грозных годов, которые ждут Цветаеву в будущем. Каждый большой поэт способен в какой-то мере пред-

сказать, провидеть свою судьбу, поэтому рассуждения о смерти не кажутся странными и неуместными здесь.

В стихотворении «Ещё молитва» тонко передаётся смятение души лирической героини, ведущей разговор с Создателем. Она вновь раскрывает перед Ним свои тайные мысли и охватившие её противоречивые чувства:

*И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленье завидев Твой звёздный венец.
Дай понять мне, Христос, что не все только
тени,
Дай не тень мне обнять, наконец!*
[5, с. 98].

Понятие «тень» для Цветаевой имеет своё определённое значение. Все те, кого она воскрешает в своём сознании и памяти, становятся её «теньями», то есть следуют с ней дальше, как и положено следовать тени за человеком. Будь это литературный, исторический персонаж или ушедший в иной мир родственник или знакомый. Каждая «тень», о которой она говорит, дорога ей по-своему, в сборнике «Вечерний альбом» целый раздел назван «Только тени». Лирическая героиня Цветаевой, способная раствориться в мире теней (который для неё абсолютно реален, значим и любим), тем не менее, просит Христа о возможности вернуться в мир настоящий. Видно, что её душа раздвоена, она растеряна. Поэтесса рисует нам здесь образ девушки, мечтающей о простой земной любви, которая позволит ей выйти из мира теней. Он остаётся дорог ей, но лирическая героиня понимает, что это не всё, чего требует её страстная, тоскующая душа:

*Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли теньями
Восемнадцати лет на земле?*
[5, с. 98].

Приверженность цветаевской героини «любимым теням» заманила её в царство грёз, и она задаёт вопрос себе и Богу: возможно

ли существовать лишь в придуманном мире? Её молодая душа, жаждущая познать настоящую любовь, измучена одиночеством, которое настигает её каждый раз, когда мир теней отступает перед реальностью. Казалось бы, героиня переживает золотую пору юности, то время, когда невозможно чувствовать себя несчастным, но всё же её терзает отсутствие чего-то важного, того, что определяет смысл земного бытия.

Лирическая героиня обращается к Богу, ожидая, что Он, как друг или наставник, укажет ей верный путь. Смятение чувств героини передаётся, в частности, обилием вопросов и восклицаний, сменяющих друг друга:

*И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвети всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастья нет, вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?
[5, с. 98].*

Цветаева, которая, по её словам, «всё в жизни полюбила прощением», словно не может поверить в то, что счастье может быть беззаботным и лёгким. Оно как самое драгоценное и чистое сокровище, которое заслуживают далеко не все, и получить его можно лишь ценой ошибок и страданий. Именно такова формула счастья для лирической героини. Это путь отшельничества, но она не представляет для себя иной возможности жить в согласии с собственной совестью.

*Ведь от века зажжённые верой иною
Укрывались от мира в безлюдье пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь
[5, с. 98].*

Притворство, которое она видит в окружающем её мире, полностью отвергается лирической героиней. Она верит в те добрые и светлые чувства, которые не подрывают её представлений о красоте и искренности. Ведь самообман и фальшь неприемлемы для неё, она не способна лгать и приспособливаться. Цветаевская героиня говорит о своём стремлении сохранить верность самым высоким

духовным ориентирам, тем святыням, что завещаны нам предками. Для неё безусловны ценности веры, благородства, героизма.

В последних строках стихотворения мы видим, что напряжённая внутренняя борьба не означает готовности героини идти на компромисс. С одной стороны, её желание любить и подарить своё сердце тому, кто будет по-настоящему близок ей по духу, очень велико. Но, с другой стороны, мечтая о счастье земной любви, она боится потерять что-то очень дорогое её душе – и поэтому смиренно просит Бога о покое и умиротворении.

*Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу – не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать – только тени
В тихом царстве любимых теней
[5, с. 98].*

Во втором сборнике поэтессы – «Волшебный фонарь» – вновь появляются стихотворения, написанные в форме молитвы. Лирическая героиня, обращаясь к Богу, ощущает себя не такой одинокой, доверяя свои переживания и чувства Создателю. В стихотворении «Молитва в столовой» мы видим влюблённую героиню, все мысли которой посвящены возлюбленному. Блуждая по дому, она находит уединение в столовой, где и звучат самые сокровенные признания юной героини:

*Самовар отшумевший заглох;
Погружается дом в полутьму.
Мне счастья не надо, – ему
Отдай моё счастье, Бог!
[4, с. 86].*

Тишина и покой, царящие в доме, создают атмосферу гармонии и защищённости от всех невзгод, момент единения души с Богом побуждает героиню к самоотречению: она готова отказаться от собственного счастья ради счастья любимого. Слова о «нём», размышления о «нём» рефреном проходят через всё стихотворение.

*Зимний сумрак касается роз
На обоях и ярких углей.*

*Пошли ему вечер светлей,
Теплее, чем мне, Христос!
[4, с. 86].*

К концу стихотворения лирическая героиня Цветаевой отчаянно повторяет те заветные слова, которые в данный момент единственно важны для неё. Жертвенность натуры, присущая ей, в полной мере ощущима в последней строфе стихотворения. Отчаяние и смятение, охватившие её душу, находят выход в страстной мольбе, обращённой к Господу. Героиня отказывается от любого ропота, сетования, она готова обуздать свои порывы и страсти – только бы любимый был счастлив.

*Я сдержу и улыбку и вздох,
Я с проклятием рук не сожму,
Но только – дай счастье ему,
О, дай ему счастье, Бог!
[4, с. 86].*

Вспомним, как в лермонтовском стихотворении «Молитва» (1837) лирический герой, обращаясь к Богородице, столь же самозабвенно молил о счастье для любимой:

*Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Тёплой Заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную...
[2, с. 162].*

Появляются в книге и ещё два стихотворения, которые мы можем отнести к жанру молитвенной лирики, хотя сами названия их звучат весьма необычно: это «Молитва лодки» и «Молитва к морю». В первом из них героиня видит себя в образе лодки, беззащитной перед житейскими бурями. Потому и обращается она к Богу с просьбой о том, чтобы Он даровал ей возможность обрести мир и покой:

*В тихую пристань, где зыблются лодки,
И отдыхают от бурь корабли,
Ты, Всемогущий, и Мудрый, и Кроткий,
Мне, утомленной и маленькой лодке,*

*Мирно приплыть повели.
В тихую пристань, где зыблются лодки,
И, отдыхая, грустят корабли
[5, с. 148].*

Сравнение юной девушки, стремящейся найти гармонию и счастье, с маленькой лодкой среди больших кораблей, создаёт особую психологическую атмосферу. Одиночество, смятение, сомнения, которые преследуют её, рождают в её душе некий идеальный, манящий образ тихой пристани. В словах героини звучат надежда и упование на Божию милость.

«Морской» душе поэтессы была по-особому близка водная стихия. Она постоянно возникает на страницах цветаевских книг, а первые упоминания о ней мы находим ещё в ранних сборниках поэтессы. «Свободная стихия» (по определению А.С. Пушкина в стихотворении «К морю») влечёт к себе лирическую героиню, стремящуюся определить своё место в этом огромном мире. Море так и остаётся для неё загадкой, символом тайны; оно воплощает собой столь притягательную и могущественную силу, что невозможно не восхищаться ею. Без сомнения, в этой трактовке образа моря Цветаева во многом следует пушкинской традиции.

Лирическая героиня стихотворения «Молитва к морю» верит, что таинственная сила, которой наделено «вечное море», способна помочь ей. Её душа полна тревог и сомнений, поэтому героиня так мечтает найти успокоение и утешение. Для неё очень важно утвердить свою принадлежность, причастность к этой удивительной морской стихии:

*Солнце и звёзды в твоей глубине,
Солнце и звёзды вверху, на просторе.
Вечное море,
Дай мне и солнцу и звёздам отдаться вдвойне
[5, с. 157].*

Эта молитва – призыв о помощи, поскольку лирическая героиня чувствует себя потерянной, беззащитной, у неё возникает желание «утопить» все свои печали в бездонных морских глубинах. Отражение небесных

светил в просторах волн выглядит для неё как волшебное слияние природных явлений, море соединяет их. Лирическая героиня, созерцая это, надеется обрести такую же внутреннюю цельность, единство. Она хочет, чтобы ушла та боль, которая так мучительна для её ранимой души:

*Сумрак ночей и улыбку зари
Дай отразить в успокоенном взоре.
Вечное море,
Детское горе мое усыпи, залечи, раствори*
[5, с. 157].

Героиня Цветаевой полностью доверяет водной стихии все свои переживания. Она ждёт, что их словно смое волной, унесёт куда-то далеко – и тогда её сердце вновь оживёт. Лишь наедине с природой возможно ощутить подобное, и лишь тот на это способен, кто искренне восхищен гармонией и красотой природных явлений, сотворённых Богом. Интересно то, что героиня обращается здесь не к Создателю, а к одному из Его творений: в море она видит ту божественную силу, которая существует в природе повсюду.

*Влей в это сердце живую струю,
Дай отдохнуть от терпения – в споре.
Вечное море,
В мощные воды твои свой беспомощный дух предаю!*
[5, с. 157].

Как видим, лирическая героиня готова признать свою малость и немощность перед

лицом могучей стихии, которой она полностью вверяет себя. Эта возможность видится ей единственным спасением от того «детского горя», которое пришло к ней.

Стихотворения из ранних сборников Цветаевой, которые можно отнести к молитвенной лирике, совершенно по-новому раскрывают нам образ лирической героини. Молитва является неотъемлемой частью её внутренней жизни, составляет для неё важнейшую духовную потребность. В момент обращения героини к Богу мы видим уже не просто молодую девушку, переживающую первую любовь и первые жизненные потрясения, а религиозно сознательную, ищущую личность, способную глубоко прочувствовать свою причастность к миру божественному – пусть ещё во многом неизведанному, но крайне необходимому для неё.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в девяти томах. – Том 5. – М.: «Русская книга», 1994. – 443 с.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. – Том 1. – М.: Правда, 1988. – 720 с.
3. Цветаева М. И. Вечерний альбом: Стихи. – М., 1910. – 224 с.
4. Цветаева М. И. Волшебный фонарь: Вторая книга стихов. – М., 1912. – 148 с.
5. Цветаева М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3-х томах. – Том 1. Стихотворения и поэмы 1910-1920. – М.: Прометей, 1990. – 655 с.